
КАРЛИК НОС

В одном большом городе моего любезного отечества — Германии — много лет тому назад жил сапожник со своей женой. Муж обыкновенно сидел в лавке на углу улицы и чинил башмаки. Случалось ему иногда шить и новую обувь, если находились заказчики, но для этого ему каждый раз приходилось покупать кожу, так как он по бедности не имел запасов. Жена торговала овощами и фруктами, которые разводила в небольшом садике, и многие охотно покупали у неё, так как она всегда была опрятно одета и умела красиво раскладывать свой товар.

У сапожника был сын, хорошенький мальчик, очень стройный, даже высокий для своего возраста. Он обыкновенно сидел на рынке подле матери и относил на дом купленную женщинами или поварями провизию. Редко случалось ему возвращаться без какого-нибудь подарка: то, бывало, принесёт какой-нибудь цветочек, то кусок пирога, а то и небольшую монетку.

Однажды жена сапожника сидела, по обыкновению, на рынке, а перед ней стояло несколько больших корзин с капустой и другими овощами, кореньями и семенами. В корзине поменьше лежали ранние груши и абрикосы. Маленький Яков — так звали мальчика — сидел подле матери и выкрикивал звонким голоском: «Пожалуйста сюда! Посмотрите, какая хорошая капуста, какие коренья! Не угодно ли ранних груш, яблок и абрикосов? Матушка дёшево продаёт, купите!»

Как раз в это время на рынке показалась какая-то странная старуха: платье на ней было оборвано, лицо острое, сморщенное, с красными глазами и длинным крючковатым носом. Она шла, опираясь на высокую палку, но всё-таки хромала, шаталась из стороны в сторону, как будто на ногах у неё были колёса, и того и гляди она могла шлёпнуться острым носом на мостовую.

Жена сапожника с удивлением поглядела на неё. Вот уже шестнадцать лет, как она изо дня в день сидела на рынке, но ни разу не случилось ей видеть такой странной особы. Она даже испугалась, когда старуха, хромая и пошатываясь, подошла к ней и остановилась перед её корзиной.

— Это ты Анна, торговка зеленью? — спросила старуха неприятным, хриплым голосом, беспрестанно тряся головой.

— Да, это я, — отвечала жена сапожника, — что вам угодно?

— А вот посмотрим, есть ли у тебя то, что мне нужно, — отвечала старуха и, нагнувшись над корзинами, стала рыться в них своими безобразными, чёрными руками. Она вытаскивала коренья крючковатыми пальцами, поочерёдно подносила их к своему длинному носу и обнюхивала. Жене сапожника больно было видеть, как она обращается с её редкими травами, но она ничего не посмела сказать: ведь каждый покупатель имеет право осматривать товар, и к тому же старуха внушала ей невольный страх. Наконец та, перерыв всю корзину, пробормотала:

— Дурной товар, дрянные коренья! Нет ничего, что мне нужно! То ли дело, пятьдесят лет назад... Дурной товар... дурной.

Слова эти рассердили маленького Якова.

— Ах ты, бесстыжая старуха! — вскричал он с досадой. — Сперва рылась своими безобразными пальцами и перемяла всю зелень, потом перенюхала всё своим длинным носом, так что всякий, кто видел это, не захочет покупать у нас, а теперь ещё ругает наш товар! У нас сам герцогский повар покупает, не то что такие нищие, как ты.

Старуха покосилась на смелого мальчика, засмеялась противным смехом и сказала своим хриплым голосом:

— Вот как, сыночек! Тебе не нравится мой прекрасный длинный нос? Погоди, и у тебя будет такой же, до самого подбородка!

Говоря это, она перешла к другой корзине, в которой лежала капуста, и стала перебирать великолепные белые кочаны, сжимая их так, что они громко трещали, после чего швыряла их назад в корзину и говорила:

— Плохой товар... скверная капуста.

— Да не трясись ты так головой, — воскликнул боязливо мальчик, — твоя шея и так тонка, словно кочерыжка: переломится, и голова твоя упадёт в корзину. А уж её-то никто покупать не станет!

— Так тебе не нравится моя тонкая шея? — со смехом пробормотала старуха. — Ну что ж, у тебя её не будет совсем; голова будет торчать прямо из плеч, чтобы не сорвалась.

— Не говорите таких пустяков мальчику! — сказала наконец жена сапожника, рассерженная этим долгим осматриванием и обнюхиванием. — Если хотите купить что-нибудь, то поторопитесь: ведь вы только разгоняете у меня других покупателей.

— Хорошо, пусть будет по-твоему! — воскликнула старуха яростно. — Я куплю эти шесть кочанов. Только вот что: я ведь должна опираться на палку и сама нести их не могу, — так вели своему сынку, чтобы он снёс мне товар на дом. Я ему за это заплачу.

Мальчуган не хотел идти, потому что боялся безобразной старухи, но мать строго приказала ему последовать за нею, так как жалела слабую, дряхлую женщину. Мальчик повиновался, но со слезами на глазах. Взяв капусту, он пошёл вслед за старухой.

Шла она очень медленно, и только через добрых три четверти часа добралась до отдалённой части города и остановилась перед маленьким ветхим домиком. Там она вынула из кармана старый,

ржавый ключ, проворно всунула его в замочную скважину, и дверь с шумом растворилась. Но как же изумился маленький Яков, когда вошёл в дом! Потолок и стены оказались мраморные, мебель украшена золотом и драгоценными камнями; пол же был весь из стекла и такой гладкий, что мальчик несколько раз поскользнулся и упал. Между тем старуха достала из кармана серебряный свисток и дунула в него. В ту же минуту по лестнице сбежало несколько морских свинок. Якова изумило, что они ходили на двух ногах, обутом вместо башмаков в ореховые скорлупки, носили человеческое платье и даже шляпы по последней моде.

— Где мои туфли, негодные твари? — крикнула старуха и так сильно ударила свинок палкой, что они с криком подскочили. — Долго мне ещё стоять тут?

Свинки мигом взбежали вверх по лестнице и, вернувшись назад с парой кокосовых скорлупок, подбитых кожей, проворно надели их старухе на ноги.

Тотчас же прежней хромоты как будто и не бывало. Старуха отбросила в сторону палку и проворно побежала по стеклянному полу, увлекая за собою маленького Якова. Наконец они остановились в комнате, служившей, по-видимому, кухней, хотя столы из красного дерева и диваны, покрытые драгоценными коврами, могли стоять и в любой роскошной гостиной.

— Присядь тут, — сказала старуха очень ласково, усаживая Якова в угол дивана и придвигая к нему стол так, чтобы он не мог оттуда выйти. — Присядь! Тебе ведь пришлось носить немалую тяжесть: человеческие головы не очень-то легки.

— Что вы такое говорите? — воскликнул мальчик. — Правда, я действительно устал, но ведь я нёс лишь кочаны капусты, которые вы купили у моей матери.

— Как же, много ты знаешь! — сказала старуха со смехом и, подняв крышку с корзины, вытащила оттуда за волосы человеческую голову. Мальчик чуть не обмер от страха. Он не мог понять, как

такое могло случиться, но невольно подумал об опасности, которая угрожала его матери, узнай кто-нибудь о человеческих головах.

— Надо чем-нибудь вознаградить тебя за твою вежливость, — пробормотала старуха. — Вот подожди немного, я сварю тебе суп, которого ты не забудешь во всю жизнь.

Тут она снова засвистела. Сначала появилось несколько морских свинок в передниках; за поясом у них торчали кухонные ложки и поварские ножи. За ними вприпрыжку прибежали белки в широких турецких шароварах и зелёных бархатных шапочках. Они, по-видимому, были поварятами. Проворно лазили они на стены, доставали с них горшки и блюда, приносили яйца и масло, корни и муку и всё это ставили на плиту. Старуха же в своих кокосовых скорлупках бегала по комнате, и мальчик видел, что она старается сварить ему что-то очень вкусное. Вот затрещал огонь, в горшке закипело, и приятный аромат разлился по комнате. Но старуха продолжала бегать туда и сюда, и каждый раз, проходя мимо плиты, совала свой длинный нос в горшок. Наконец кушанье закипело, пар густыми клубами повалил из горшка, и пена полилась на огонь. Тогда старуха сняла горшок с плиты, вылила содержимое его в серебряную тарелку и поставила её перед маленьким Яковом.

— Вот тебе, сыночек! — сказала она. — Покушай этого супа, тогда у тебя будет всё то, что тебе так понравилось у меня. Будешь и ты искусным поваром, но корешка — корешка-то не найдёшь, потому что его не оказалось в корзине твоей матери!

Мальчик не понял, о чём она говорит, да и не старался понять; всё его внимание было поглощено супом. Мать не раз готовила для него разные лакомые блюда, но такого супа он никогда ещё не едал. От него исходил чудный аромат трав и корней, при этом он был и сладок, и кислват, и чрезвычайно крепок. Пока Яков доедал последние ложки, морские свинки принесли аравийский ладан, и комната наполнилась голубоватым дымом. Всё гуще и гуще становился этот дым, а запах ладана усыплял мальчика. Несколько раз он вспоминал, что ему пора возвратиться к матери, но его снова одолевала дремота: наконец он крепко заснул на диване старухи.

Странные сны виделись ему. Ему казалось, будто старуха снимает с него платье и одевает в беличью шкуру. Теперь он мог прыгать и лазить не хуже белок. Он жил вместе с ними и морскими свинками и вместе с ними же прислуживал старухе. Сначала ему поручали натирать до блеска маслом кокосовые скорлупки, служившие старухе туфлями. В доме отца ему часто приходилось исполнять подобную работу, он легко справлялся с ней. Через год — снилось ему дальше — ему стали поручать более тонкую работу. Вместе с несколькими другими белками он должен был ловить и собирать пылинки, а потом просеивать их сквозь тончайшее волосяное сито. Старуха считала пылинки питательным веществом, а так как она за неимением зубов не могла разжевать ничего твёрдого, то ей пекли хлеб исключительно из пылинок.

Ещё через год он был переведён в разряд слуг, собиравших воду для питья старухи. Не думайте, однако, что она велела для этого вырыть бассейн или поставить во дворе бочку, чтобы собирать дождевую воду; нет, у неё дело было обставлено похитрее. Белки, а в том числе и Яков, должны были собирать в ореховые скорлупки росу с роз, а так как старуха пила очень много, то у водоносов работа была нелёгкая. Прошёл ещё год, и ему поручено было содержать в чистоте пол, но так как пол этот был из стекла, то и эта работа оказалась не из лёгких. Чтобы вытирать пол, он должен был оборачивать ноги сукном и разъезжать так по всем комнатам.

Наконец на пятый год его перевели на кухню. Это была почётная должность, которой можно было достигнуть только после долгих испытаний. Яков прошёл все степени, начиная с поварёнка до первого повара, и достиг такой ловкости и умения во всём, что касается кухни, что часто дивился самому себе. Самые замысловатые блюда, паштеты из двухсот снадобьев, супы из всевозможных кореньев и зелени — все это он научился готовить необыкновенно быстро и хорошо.

Так провёл он около семи лет в услужении у старухи. Но вот однажды она сняла кокосовые туфли и, взяв корзину и клюку, собралась уходить, причём приказала ему, чтобы к её возвращению он ошипал курицу, начинил её зеленью и хорошенько изжарил. Так Яков и сделал. Свернув курице шею, он обварил её кипятком, искусно ошипал перья, соскоблил кожу, чтобы она стала гладка и нежна, и вынул внутренности. Потом он начал собирать корни, которыми должен был начинить её. На этот раз он заметил в кладовой стенной шкафчик с приотворённой дверью, которого он до сих пор ни разу не видел. Он с любопытством заглянул туда. В шкафу стояло множество корзинок, из которых исходил сильный приятный запах. Он открыл одну из них и увидел растение какой-то особенной формы и цвета. Стебли и листья его были голубовато-зелёные, а цветок огненно-красный с жёлтой каймой. Яков задумчиво посмотрел на этот цветок, понюхал его и заметил, что он пахнет совсем как тот суп, которым когда-то угостила его старуха. Запах был так силен, что он начал чихать так сильно, что проснулся.

Он лежал на диване старухи и удивлённо осматривался кругом. «Удивительно, какие бывают вздорные сны, — сказал он самому себе, — и такие ясные! Ведь я мог бы побожиться, что был белкой, товарищем морских

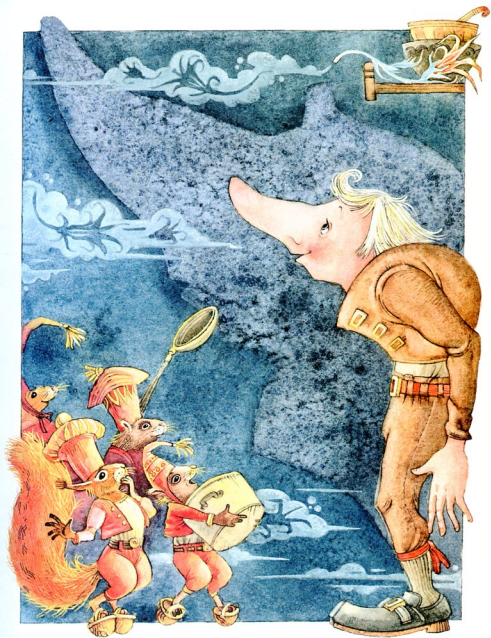
свинок и, наконец, сделался великим поваром. Вот уж посмеётся маменька! Впрочем, не будет ли она меня бранить за то, что я заснул в чужом доме, вместо того чтобы помогать ей на рынке?» С этими мыслями он поднялся, чтобы уйти домой, но всё его тело так онемело от сна, в особенности затылок, что он не мог повернуть головы. Он невольно рассмеялся над самим собою и над своею сонливостью, так как каждую минуту стучался носом то о шкаф, то о стену, то о косяк двери. Белки и морские свинки с визгом бегали вокруг, как будто желая проводить его. На пороге он обернулся и позвал их за собой, но они побежали обратно в дом и только издали провожали его жалобным писком.

Улица, куда привела его старуха, находилась в дальней части города, и он едва мог выбраться из узких переулков. Там была страшная толкотня. По всей вероятности, думал он, где-нибудь поблизости показывают карлика, так как поминутно слышались возгласы: «Ах, посмотрите на безобразного карлика! Какой у него длинный нос и как смешно голова торчит у него прямо на плечах! А руки-то, руки какие чёрные, безобразные!» В иное время Яков и сам побежал бы за толпой, потому что очень любил смотреть на великанов или карликов и вообще на всякие диковинки, но на этот раз ему было не до того: он спешил вернуться к матери.

Ему стало как-то жутко, когда он пришёл на рынок. Мать всё ещё сидела на своём месте, и в корзине у неё оставалось довольно много овощей; значит, он проспал недолго. Но ему ещё издали показалось, что мать какая-то грустная: она не зазывала покупателей, а сидела неподвижно, подперши голову рукою; а когда он подошёл поближе, то ему показалось даже, что она бледнее обыкновенного. С минуту он постоял, не зная, что делать, но потом собрался с духом, подошёл к ней сзади, ласково опустил руку на её плечо и сказал:

— Что с тобой, мамочка, ты сердисься на меня?

Мать обернулась, но в ту же минуту отшатнулась от него с криком ужаса.

— Чего тебе нужно, безобразный карлик? — воскликнула она. — Прочь, прочь от меня, я терпеть не могу подобных шуток!

— Но, мамочка, что с тобой? — спросил Яков с испугом. — Тебе, верно, нездоровится, зачем же ты гонишь от себя своего сына?

— Я уже сказала тебе — убирайся прочь! — возразила она с гневом. — От меня ты не получишь ни гроша за свои шутки, уродливое создание!

«Господи помилуй, да она совсем помешалась! — подумал Яков. — Как бы мне отвести её домой?..»

— Милая мамочка, будь же рассудительна, посмотри на меня хорошенько, ведь я твой сын, твой Яков...

— Нет, это уж чересчур! — воскликнула она, обращаясь к соседке. — Посмотрите на безобразного карлика! Вот он стоит передо мной и разгоняет покупателей, да ещё осмеливается смеяться над моим горем. Этот урод не стыдится уверять, что он мой сын, мой Яков.

Тут соседки поднялись с шумом и осыпали Якова отборнейшей бранью; ведь торговки, как известно, на этот счёт мастерицы. Они ругали его за то, что он смеётся над несчастьем бедной Анны, у которой семь лет тому назад украли красавца сына. Они грозили, если он не уйдёт, сейчас же выцарапать ему глаза.

Бедный Яков не знал, что и подумать обо всём этом. Ведь не далее как сегодня утром он пошёл с матерью на рынок, помог ей разложить товар, потом пошёл за старухой, поел у неё супу, вздремнул маленько и скоро вернулся назад, а между тем и мать, и соседки толкуют о каких-то семи годах, да ещё называют его безобразным карликом. Что же такое случилось с ним? Убедившись, что мать не узнаёт его, он с трудом удержался от слёз и печально пошёл по улице в отцовскую лавку. «Посмотрим, — думал он, — не узнает ли хоть отец меня; я встану у дверей и заговорю с ним». Дойдя до лавки сапожника, он остановился перед дверью и заглянул внутрь. Отец был так занят работой, что сначала и не заметил его, но когда случайно

поднял голову, то выронил из рук сапог, шило и дратву и воскликнул с ужасом: «Господи помилуй, что я вижу?»

— Добрый вечер, хозяин! — сказал карлик, входя в лавку. — Как идут дела?

— Плохо, очень плохо, маленький господин! — отвечал отец, к великому изумлению Якова: как видно, и он не узнавал сына. — Дело у меня не спорится: я одинок, становлюсь стар, а держать подмастерья мне не по средствам.

— Но разве у вас нет сына, которого вы могли бы приучить к делу? — продолжал расспрашивать Яков.

— Да, был у меня сын по имени Яков. Теперь он был бы уже стройным, ловким двадцатилетним парнем и мог бы стать мне отличным помощником: то-то была бы жизнь! Уже когда ему было двенадцать лет, он выказывал большое проворство и ловкость и кое-что смыслил в ремесле. И какой он был красавчик! Будь он при мне, я имел бы столько заказчиков, что перестал бы чинить старье и шил одно только новое. Да, видно, этому не суждено быть!

— Где же теперь ваш сын? — спросил Яков дрожащим голосом.

— Про то знает один бог! — отвечал тот. — Лет семь тому назад его украли у нас на рынке.

— Семь лет! — воскликнул Яков с ужасом.

— Да, маленький господин, семь лет тому назад. Я, как сегодняя помню, как жена моя вернулась домой с криком и плачем, что мальчик целый день не возвращался и что она искала его повсюду, да не нашла. Я всегда опасался, что так случится. Яков был мальчик красивый — вот жена и гордилась им и была довольна, когда чужие его хвалили. Часто она посылала его с овощами в богатые дома; положим, это было выгодно, потому что его каждый раз щедро награждали, а всё-таки не раз говорил я ей: «Берегись, город велик, злых людей много, смотри в оба за Яковом!» Так беда и случилась. Однажды пришла на рынок безобразная старуха и купила столько, что не могла сама снести всё домой; у жены моей сердце жалостливое, вот она и послала с ней мальчика, и только мы его и видели.

— И это случилось семь лет тому назад, говорите вы?

— Да, весной исполнится семь лет. Уж мы искали его, искали, ходили из дома в дом и везде спрашивали о нём. Многие знали хорошенького мальчика, любили его и помогали нам в розысках, но всё было напрасно. Да и старуху, которая купила у нас овощи, не могли отыскать. Только одна старая-престарая женщина, прожившая на свете девяносто лет, сказала, что это, вероятно, злая волшебница, которая каждые пятьдесят лет приходит в город, чтобы закупить себе разные травы.

Сказав это, отец Якова снова взял в руки башмак и обеими руками вытащил дратву. Яков же мало-помалу догадался, что то, что казалось ему сном, произошло в действительности и он в самом деле прослужил у старухи семь лет в виде белки. Сердце его преисполнилось горя и гнева: как, целых семь лет его юности украли у него старуха, и что же он получил взамен? Только то, что он может чис-

тить туфли из кокосовых скорлупок, мести стеклянные полы, или то, что он научился от морских свинок всем тайнам поварского искусства? Так простоял он несколько минут, раздумывая о своей судьбе, пока отец не спросил его:

— Не угодно ли вам заказать что-нибудь, молодой господин? Может быть, пару новых туфель или, — прибавил он, улыбаясь, — футляр для вашего носа?

— Какое вам дело до моего носа? — спросил Яков. — Зачем мне к нему футляр?

— Ну, — возразил сапожник, — у каждого свой вкус. Что до меня, то, будь у меня такой нос, я бы непременно заказал для него футляр из розовой кожи. Посмотрите, у меня как раз есть кусочек. Правда, для вашего носа потребуется не меньше аршина, но зато, по крайней мере, вы будете в безопасности. Ведь вы, наверно, стучаетесь носом о каждую карету, от которой хотите посторониться?

Яков онемел от изумления. Он ощупал свой нос — о ужас! Нос оказался необыкновенно толстым, а длиной чуть ли не в две ладони. Итак, старуха изуродовала его! Вот почему мать не узнала его, вот почему все называли его безобразным карликом!

— Хозяин, — сказал он, чуть не плача, — нет ли у вас маленького зеркальца, в которое я мог бы посмотреть на себя?

— Молодой человек, — возразил отец серьёзным тоном, — у вас не такая наружность, чтобы быть тщеславным, и вам, право, не следовало бы поминутно глядеться в зеркало. Постарайтесь отучить себя от этой смешной привычки!

— Ах, дайте мне всё-таки посмотреться в зеркало! — сказал карлик. — Уверяю вас, что я делаю это не из тщеславия...

— Оставьте меня в покое! У жены моей есть зеркало, но я не знаю, куда она запрятала его. Если вам непременно хочется посмотреть на себя, то там, через улицу, живёт цирюльник Урбан: у него есть зеркало вдвое больше, чем ваша голова; отправляйтесь к нему, а пока — прощайте!

С этими словами отец тихонько выпроводил его из лавки, запер за ним дверь на ключ и снова сел за работу. Яков же, глубоко огорчённый, отправился через улицу к цирюльнику Урбану.

— Здравствуйте, Урбан! — сказал он ему. — Я пришёл попросить вас о маленькой услуге: будьте любезны, позвольте мне посмотреться в ваше зеркало.

— С удовольствием, вот оно, — воскликнул цирюльник, смеясь, и все его посетители расхохотались вслед за ним. — Что и говорить, вы красавец хоть куда, стройный, изящный. Шея у вас как у лебедя, ручки как у королевы, а носик такой, лучше которого и не найдёшь. Правда, вы немного тщеславны, но так и быть, поглядите на себя! Пусть не говорят добрые люди, что я из зависти не позволил вам полюбоваться собою.

Неудержимый хохот присутствующих сопровождал слова цирюльника; Яков между тем подошёл к зеркалу и взглянул на себя. Слезы выступили у него на глазах. «Да, конечно, в таком виде ты не могла узнать своего Якова, милая маменька! — сказал он самому себе. — Не такой он был в те дни, когда ты гордилась им перед всеми!» И действительно, перемена была ужасающая; глаза стали крошечными, как у свиньи, огромный нос висел ниже подбородка, шея как будто исчезла, так что голова прямо торчала на плечах и он еле-еле мог поворачивать её. Ростом он был не выше, чем тогда, когда ему было двенадцать лет. За всё время он вырос только в ширину: спина и грудь у него были широки и выгнуты и походили на маленькие, туго набитые мешки. Это толстое туловище держалось на маленьких ножках, которым такая тяжесть была не под силу. Зато его руки были такой же длины, как у обыкновенного взрослого человека. Ладони были толстые, коричневые, пальцы крючковатые, и когда он вытягивал руки, то мог, не сгибаясь, достать ими до пола. Вот каким безобразным карликом стал теперь маленький Яков...

Он вспомнил то утро, когда старуха подошла к корзинам его матери. Всё, над чем он тогда смеялся: её длинный нос, её безобразные

пальцы — всё это она передала ему, за исключением длинной дрожащей шеи.

— Ну что, налюбовался собою, мой принц? — сказал цирюльник. — Право, даже во сне нельзя вообразить себе ничего более смешного. А знаете, я вам сделаю предложение, маленький человечек! Хотя моя цирюльня и из лучших, но последнее время у меня не так много посетителей, как прежде, и виной тому мой сосед, цирюльник Пенки, который где-то отыскал великана, заманивающего к нему публику. Но великан-то не редкость, а вот такой человек, как вы, — это дело другое. Поступите ко мне на службу, любезный! Вы будете получать квартиру, стол, одежду — всё, что вам нужно, а вы за это должны будете каждое утро стоять у дверей и звать посетителей. Вы будете взбивать пену и подавать гостям полотенце, и мы оба не останемся внакладе. У меня будет больше посетителей, чем у соседа с его великаном, а вам все охотно станут давать на чай.

Яков в глубине души был глубоко возмущён. Но, — увы! — он должен был привыкать к подобным оскорблениям! Поэтому он по возможности спокойно заявил цирюльнику, что у него нет времени для подобной службы, и пошёл далее.

Но, хотя злая старуха придала ему уродливый вид, она всё же ничего не могла сделать с его умом. Теперь он думал и чувствовал далеко не так, как семь лет тому назад. Яков был уверен, что за этот промежуток времени стал и умнее, и рассудительнее. И действительно, он не горевал о своей утраченной красоте, не плакал из-за своего безобразия: его огорчало лишь то, что его, как собаку, прогнали из родного дома. Однако он решился сделать ещё одну попытку и поговорить с матерью.

Он подошёл к ней на рынке и упросил спокойно выслушать его. Тогда он напомнил ей о том дне, когда пошёл за старухой, напомнил ей разные случаи из своего детства, рассказал, как прослужил семь лет у волшебницы белкой и как она заколдовала его за то, что он посмеялся над ней на рынке. Жена сапожника не знала, что и подумать.

Всё, что он рассказывал о своём детстве, было верно, но когда он говорил о том, что семь лет прослужил белкой, то она никак не могла представить себе, чтобы это было возможно. А когда она при этом ещё и взглядывала на карлика, то приходила в ужас от его уродства и окончательно отказывалась верить, что это её сын. Однако она сочла благоразумным переговорить с мужем. Собрав свои корзины, она велела Якову следовать за ней, и они отправились в лавку сапожника.

— Посмотри, — сказала она мужу, — этот человек уверяет, что он наш пропавший Яков. Он рассказал мне всё: как его украли у нас семь лет тому назад и как он был заколдован одной волшебницей.

— Вот как! — с гневом прервал её сапожник. — Постой же ты, негодяй! Ведь всё это я сам с час тому назад рассказал ему, а потом он отправился к тебе, чтобы надуть тебя. Так ты был заколдован, сыночек? погоди же, я сейчас сниму с тебя колдовство! — С этими словами он схватил пучок ремней, которые только что нарезал, бросился на карлика и так хлестнул его по спине и длинным рукам, что тот закричал от боли и с плачем побежал прочь.

Нелегко найти сострадательную душу, которая готова была бы помочь несчастному, особенно с такой смешной наружностью. Бедный карлик оставался весь день без пищи и питья и вечером должен был избрать для ночлега церковную паперть, хотя ступени её были жестки и холодны.

На другое утро, проснувшись на заре, он серьёзно задумался о том, чем бы снискать себе пропитание. Служить зазывалой у цирюльника или показывать себя за деньги ему не позволяла гордость; что же ему оставалось делать? Но вдруг он вспомнил, что, будучи белкой, сделал большие успехи в поварском искусстве. Он справедливо полагал, что не уступит в этом деле никакому повару, и решил воспользоваться своими познаниями.

И Яков отправился в город. Он знал, что герцог, повелитель страны, был большой любитель хорошего стола и собирал у себя искусных

поваров из разных стран; к его-то двору и отправился наш карлик. Когда он подошёл к воротам, караульные спросили его, что ему нужно, и стали над ним насмехаться. Но он потребовал, чтобы его повели к главному смотрителю над кухней. Караульные расхохотались и повели его через парадные двери. Повсюду слуги останавливались, глядели на него и сопровождали его со смехом, так что, когда он поднимался по лестнице дворца, за ним уже тянулся длинный хвост всяческой прислуги. Конюхи побросали свои скребницы, скороходы бежали со всех ног, полотёры забыли выколачивать ковры; все суетились так, как будто неприятель стоял у ворот. Со всех сторон раздавались крики: «Карлик, карлик! Видели вы карлика?» Наконец в дверях появился смотритель дворца, держа в руке огромный хлыст.

— Что тут за шум? Разве вы не знаете, собаки, что герцог ещё спит?

С этими словами он взмахнул хлыстом и опустил его на спины ближайших конюхов и привратников.

— Ах господи! — вскричали они. — Да разве вы не видите? Ведь мы привели карлика, да такого, какого вы, наверно, никогда не видали.

Смотритель дворца теперь только увидел Якова и с трудом удержался от смеха, так как боялся уронить своё достоинство. Поэтому он разогнал хлыстом толпу и спросил карлика, что ему нужно. Но, услышав, что тот хочет видеть смотрителя над кухней, возразил:

— Ты, верно, ошибся, голубчик! Ведь ты хочешь ко мне, к смотрителю дворца? Ты хочешь сделаться лейб-карликом герцога, не правда ли?

— Нет, господин, — отвечал Яков, — я искусный повар и умею готовить редкие блюда. Соболаговолите отвести меня к главному смотрителю над кухней: быть может, ему пригодятся мои услуги.

— Как угодно, маленький человек, а всё-таки ты неразумный мальчик. В кухню — вот выдумал! Ведь будучи лейб-карликом, ты мог бы ничего не делать, есть и пить вдоволь и носить прекрасное

платье. Ну да мы ещё увидим, вправду ли ты настолько искусен, чтобы быть поваром у герцога.

С этими словами смотритель дворца взял его за руку и повёл в комнаты главного смотрителя над кухней.

— Милостивый государь! — сказал карлик и поклонился так низко, что коснулся носом ковра, покрывавшего пол. — Не нужен ли вам искусный повар?

Главный смотритель над кухней оглядел его с ног до головы и разразился громким хохотом.

— Как, ты хочешь быть поваром? Неужели ты думаешь, что сможешь достать до плиты, даже став на цыпочки? Нет, крошка, тот, кто прислал тебя ко мне, хотел, видно, поднять тебя на смех.

Говоря это, смотритель над кухней заливался смехом, а все бывшие в комнате громко вторили ему.

Но карлик ничуть не смутился таким приёмом.

— Послушайте, — продолжал он, — что вам стоит рискнуть парой яиц, небольшим количеством вина, муки и корней? Ведь у вас этого добра вдоволь. Прикажите мне приготовить какое-нибудь лакомое блюдо, дайте мне всё, что нужно для этого, и оно будет приготовлено на ваших же глазах.

Так говорил карлик, и странно было видеть, как он при этом сверкал своими крошечными глазками, как жестикулировал своими тонкими пальцами и как поворачивался во все стороны его длинный нос.

— Ладно, будь по-твоему! — воскликнул наконец смотритель над кухней и взял под руку смотрителя дворца. — Что ж, попробуем, хотя бы ради шутки! Пойдёмте все в кухню.

Они прошли несколько залов и коридоров и наконец пришли в кухню. Это было большое, просторное помещение. Под двадцатью плитами горел огонь; посередине комнаты протекал прозрачный ручёек, служивший бассейном для рыбы. В шкафах из мрамора и красного дерева были сложены разные припасы, которые необходимо всегда иметь под рукой, а по обеим сторонам кухни тянулись

десять залов, где хранилось всё, что только можно найти редкого и лакомого в любых странах Востока и Запада. Кухонная прислуга бегала туда и сюда, гремела котлами и кастрюлями, вилками и половниками. Но когда появился главный смотритель над кухней, они все безмолвно выстроились в ряды, так что слышен был лишь треск огня и журчание воды.

— Какой завтрак заказал герцог на сегодня? — спросил смотритель у первого повара.

— Его высочеству угодно было заказать датский суп и красные гамбургские клёцки.

— Хорошо! — продолжал смотритель над кухней. — Слышал ты, что заказал герцог? Считаешь ли ты себя способным приготовить этот суп? Что касается клёцок, то ты точно не сделаешь их, это — наша тайна.

— Нет ничего легче! — возразил карлик, к всеобщему удивлению. — Для супа дайте мне такие-то и такие коренья, такие-то пряности, кабаньий жир и яйца. Что же касается клёцок, — продолжал он потише, так, чтобы его могли слышать только смотритель над кухней и первый повар, — то для них мне нужно мясо четырех сортов, немного вина, утиный жир, имбирь и травка, называемая «желудочной».

— Да ты, верно, учился у какого-нибудь волшебника! — воскликнул повар с изумлением. — Ведь он назвал всё, что нужно, а про желудочную травку мы и сами не знали. Нет сомнения, от неё клёцки будут ещё вкуснее; положительно, ты не повар, а совершенство!

— Никогда бы не поверил этому! — сказал главный смотритель над кухней. — Ну что ж, пускай покажет образец своего искусства! Дайте ему всё, что нужно, и пускай он готовит завтрак.

Так и было сделано. Всё принесли, но тут оказалось, что карлик едва может достать до плиты носом. Тогда к плите приставили два стула, положили на них мраморную доску, и маленький человечек взобрался на неё, чтобы показать своё искусство. Кругом расположились повара, поварята и другая кухонная прислуга. Все с изумлением

смотрели, как быстро и ловко всё спорилось у него в руках. Когда все приготовления были окончены, он приказал поставить оба блюда на огонь и варить до тех пор, пока он не велит их снять. Потом он начал считать и, когда досчитал до пятисот, крикнул: «Стой!» Немедленно горшки были сняты с огня, и карлик пригласил зрителя отведать его кушанье.

Главный повар приказал поварёнку принести золотую ложку, сполоснул её в ручейке и передал зрителю над кухней. Тот с торжественным видом подошёл к плите, зачерпнул ложкой суп, отведал его, зажмурил глаза и даже прищёлкнул от удовольствия языком.

— Великолепно, клянусь здоровьем герцога, великолепно! Не отведаете ли и вы, зритель дворца? — Тот попробовал суп и тоже пришёл в восторг.

— Нет, положительно, господин повар, вы знаток своего дела, но так хорошо, как этот человек, вы никогда ещё не приготовили ни супа, ни гамбургских клёцок.

Отведал и сам повар, после чего почтительно подал руку карлику и сказал:

— Да, крошка, ты знаток своего дела! Эта желудочная травка придаёт всему какой-то особенный, чудный вкус.

Как раз в эту минуту в кухню вошёл камердинер герцога и объявил, что тот хочет завтракать. Немедленно блюда были поставлены на серебряные подносы и отосланы герцогу, старший же зритель над кухней взял карлика под руку и увёл в свою комнату, где вступил с ним в беседу. Но не прошло и нескольких минут, как явился посланный от герцога, чтобы позвать к нему зрителя над кухней. Тот поспешно переоделся в праздничное платье и последовал за посланным.

Герцог съел всё, что ему было подано, и с довольным видом вытирал себе бороду, когда к нему вошёл зритель над кухней.

— Слушай, зритель, — сказал герцог, — я всегда был доволен твоими поварями; но скажи, кто сегодня приготовил мой завтрак?

С тех пор как я сижу на троне моих предков, я никогда не ел ничего подобного. Скажи, как зовут этого повара, чтобы я мог наградить его.

— Государь, это престранная история! — отвечал смотритель над кухней и рассказал, как к нему привели карлика, который непременно хотел сделаться поваром.

Удивлённый герцог велел призвать к себе карлика и спросил, кто он и откуда. Бедный Яков, конечно, не мог сказать, что он заколдован и был раньше белкой. Он рассказал только то, что у него нет ни отца, ни матери и что он научился стряпать у одной старухи. Герцог и не стал более расспрашивать; его больше всего занимала странная наружность нового повара.

— Остайся у меня! — сказал он. — Ты будешь получать ежегодно пятьдесят червонцев, праздничное платье и сверх того две пары панталон. За это ты должен ежедневно готовить мой завтрак, следить за приготовлением обеда и вообще присматривать за моей кухней. А так как в моём дворце каждый получает от меня особое прозвище, то ты будешь называться Носом и занимать должность младшего смотрителя над кухней.

Карлик Нос поблагодарил герцога и обещал служить ему верой и правдой.

Итак, Яков был теперь пристроен. И надо отдать ему справедливость, он справлялся со своим делом как нельзя лучше.

Он сделался знаменитостью. Многие повара обращались к смотрителю над кухней с просьбой позволить им присутствовать при стряпне карлика, а некоторые из вельмож добились позволения герцога посылать к нему в обучение своих слуг, что давало ему немалый заработок. Впрочем, чтобы не возбуждать зависти в остальных поварах, карлик Нос отдавал им деньги, которые ему платили.

Так прожил карлик Нос почти два года в довольстве и почёте, и только мысль о родителях омрачала его счастье. Жизнь его текла безмятежно, без всяких приключений, до тех пор пока не произошёл один случай. Карлик Нос умел удачно делать всякого рода закупки.

Поэтому всякий раз, когда ему позволяло время, он сам отправлялся на рынок, чтобы закупать дичь и плоды. Однажды утром он отправился в птичий ряд за жирными гусями, до которых герцог был большой охотник. Несколько раз прошёл он по рядам, осматривая товар.

Вдруг в конце одного ряда он заметил женщину, также продававшую гусей, но, в противоположность другим торговкам, не зазывавшую покупателей. К ней-то он и подошёл и стал взвешивать и осматривать её гусей. Найдя их достаточно жирными, он купил трёх вместе с клеткой, взвалил её на свои широкие плечи и направился домой. Однако по дороге ему показалось очень странным, что только двое из гусей гоготали, тогда как третья гусыня сидела тихо и вздыхала, словно человек. «Надо поскорее заколоть её, — подумал карлик, — не то она ещё околеет». Но тут гусыня совершенно внятно и громко проговорила:

— Если ты захочешь меня заколоть, я укушу тебя, если свернёшь мне шею, сам сойдёшь со мной в могилу.

Вне себя от изумления, карлик Нос поставил клетку наземь, но гусыня по-прежнему смотрела на него своими прекрасными, умными глазами и продолжала вздыхать.

— Вот чудеса! — воскликнул карлик Нос. — Да эта гусыня умеет говорить, как человек. Ну-ну, успокойся же, я не так жесток и не лишу жизни такую редкую птицу. Но я готов биться об заклад, что ты не всегда принадлежала к пернатым, — ведь и я когда-то был жалкой белкой.

— Ты прав! — ответила гусыня. — Я тоже родилась не в этом позорном обличье. Увы! Кто бы мог когда-нибудь предположить, что Мими, дочь великого Веттербока, будет заколота на кухне герцога...

— Будь спокойна, любезная Мими! — утешал её карлик. — Клянусь честью, тебе не будет сделано ничего дурного. Я устрою тебя в моей комнате, буду доставлять тебе еду и в свободное время стану беседовать с тобою. Поварам я скажу, что откармливаю тебя

для герцога особенными травами, а при первом удобном случае выпущу тебя на свободу.

Гусыня поблагодарила его со слезами на глазах. И карлик сделал так, как обещал. Он отвёл для Мими отдельное помещение под предлогом, что хочет её откармливать для герцога. Но он не давал ей обыкновенного гусяного корма, а приносил разные сладкие блюда. Когда у него было свободное время, он беседовал с ней и утешал её. Они рассказали друг другу свою историю, и Нос узнал, что гусыня была дочерью волшебника Веттербока на острове Готланде. Веттербок как-то поссорился с одной старой феей, которая победила его с помощью хитрости и из мести превратила его дочь в гусыню. Когда же карлик Нос рассказал Мими свою собственную историю, она сказала:

— Я немного смыслю в этих делах: отец кое-что передал из своего знания нам с сёстрами. Ваш спор у корзины с овощами, твоё внезапное превращение, когда ты понюхал какой-то травки, и слова старухи, которые ты запомнил, доказывают мне, что если ты отыщешь ту траву, которую использовала фея, то избавишься от своего уродства.

Всё это, конечно, было плохим утешением для карлика: как, в самом деле, найти траву, которой не знаешь даже по названию? Но тем не менее он поблагодарил Мими и в глубине души его затеплилась надежда.

Скоро после этого к герцогу приехал в гости его друг, один из соседних князей. Герцог по этому случаю позвал к себе карлика и сказал ему:

— Наступило время, когда ты можешь доказать, что ты мастер своего дела. Князь, который приехал ко мне в гости, считается после меня величайшим знатоком по части еды, и кухня у него одна из лучших в мире. Постарайся же, чтобы мой стол удивил даже его. Старайся также, под страхом моей немилости, чтобы за всё время, которое он проведёт при моём дворе, ни одно блюдо не подавалось дважды. Всё, что тебе будет нужно, можешь требовать у казначея; хотя бы тебе пришлось растопить для этого моё золото и бриллианты,

ты не должен остановиться ни перед чем. Я готов лучше остаться бедняком, чем ударить лицом в грязь перед своим гостем.

Так говорил герцог, и карлик отвечал:

— Воля ваша, государь, будет исполнена! Сделаю так, чтобы этому князю здесь всё понравилось.

Крошечный повар нашёл случай показать своё искусство во всём его блеске. Он не щадил сокровищ своего хозяина и себя не берёт: целый день его можно было видеть перед плитой, окутанным облаками дыма, и голос его беспрестанно звучал в огромной кухне, раздавая приказания целой армии поваров и поварят.

Князь провёл уже две недели в гостях у герцога и, по-видимому, чувствовал себя прекрасно. Ежедневно гость и хозяин пять раз садились за стол, и герцог был в высшей степени доволен искусством карлика, так как замечал восхищение своего гостя. На пятнадцатый день герцог призвал карлика к столу, представил его гостю и спросил последнего, доволен ли он его поваром.

— Ты превосходный повар, — обратился гость к карлику, — и знаешь, как разнообразить стол. За всё время, пока я здесь, ты ни разу не повторялся, и все блюда тебе великолепно удавались. Но скажи, почему ты до сих пор ещё ни разу не подавал царя всех блюд — паштет-сюзерен?

Карлик испугался: он никогда не слышал о подобном паштете; но он с видимым спокойствием отвечал:

— О государь, я надеялся, что ты ещё долго будешь гостить, — вот

почему я и медлил с этим блюдом. Чем же другим мог я почтить тебя в день отъезда, как не царём паштетов?

— Вот как! — заметил герцог, смеясь. — А что касается меня, то ты, вероятно, ждал дня моей смерти, чтобы угостить меня этим блюдом. Ну нет, любезный, придумай что-нибудь другое для прощального обеда, а паштет этот ты должен завтра же подать на стол.

— Как угодно моему государю! — отвечал карлик и удалился. Далеко не весело было у него на душе. Он чувствовал, что наступил день его позора и несчастья: ведь он не имел даже понятия о том, как приготовить этот паштет. Он пошёл в свою комнату и залился слезами при мысли об ожидающей его участи. Но тут Мими, расхаживавшая по комнате, обратилась к нему с вопросом о причине его горя.

— Не печалься, — сказала она, узнав, в чём дело, — это блюдо часто подавалось за столом моего отца, и я приблизительно знаю, что для него нужно. Возьми того-то и того-то в таком-то количестве: может быть, это не совсем так, как надо, но надеюсь, что эти господа не разберут, в чём дело.

Услышав это, карлик радостно вскочил с места, благословляя тот день, когда купил гусинью, и стал готовиться к завтрашнему дню. Сначала он сделал маленький пробный паштет и нашёл его удачным; он также дал его отведать главному смотрителю над кухней, и тот, по обыкновению, рассыпался в похвалах его искусству.

На другой день он приготовил паштет как следует и послал его к столу герцога прямо из печки, предварительно украсив цветами. Сам он надел своё лучшее праздничное платье и отправился в столовую. Он вошёл как раз в ту минуту, когда один из слуг разрезал паштет. Герцог взял себе порядочный кусок, проглотил его, поднял глаза к потолку и сказал:

— Да, недаром называют его царём паштетов! Но ведь и мой карлик король всех поваров, не правда ли, любезный друг?

Гость ответил не сразу: он проглотил несколько кусков с видом знатока, но потом улыбнулся насмешливо и таинственно.

— Да, приготовлено недурно, — отвечал он наконец, отодвигая тарелку, — а всё-таки это не то, что называют паштетом-сюзерен. Впрочем, я этого и ждал.

Тут герцог нахмурил лоб и даже покраснел от стыда.

— Ах ты, собака! — воскликнул он. — Как осмелился ты так осрамить своего государя? Ты заслуживаешь, чтобы тебе отрубили голову в наказание за скверную стряпню.

— Ради бога, государь, не гневайтесь: я приготовил это блюдо по всем правилам; здесь есть всё, что нужно, — сказал карлик, дрожа от страха.

— Врёшь, негодяй! — возразил герцог, толкнув его ногой. — Мой гость не мог ошибиться, тут чего-то недостаёт. Я велю разрубить тебя самого и запечь в паштет.

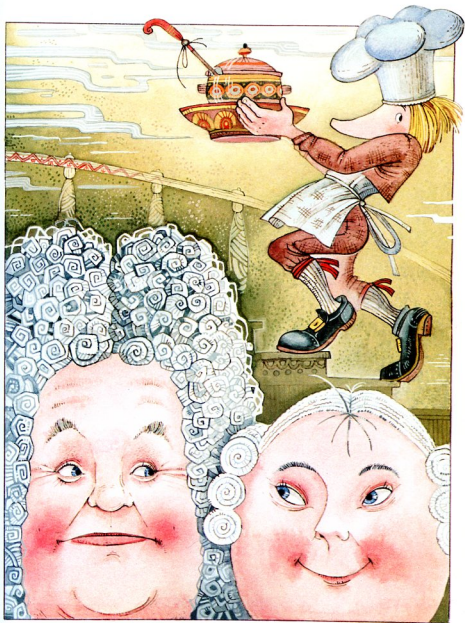
— Сжальтесь! — воскликнул карлик. — Скажите мне, чего не хватает в этом паштете, чтобы он пришёлся вам по вкусу. Не дайте мне умереть из-за какой-нибудь недостающей крупички муки или кусочка мяса.

— Это тебе мало поможет, любезный Нос, — отвечал гость со смехом, — я вчера ещё был уверен, что ты не приготовишь этого паштета, как мой повар. Знай же, в нём недостаёт одной травки, которая здесь, в вашей стране, неизвестна и которая называется «чихай-трава». Без неё твоему государю никогда не удастся откусать паштет в таком виде, в каком он подаётся мне.

При этих словах герцог пришёл в ярость.

— А всё-таки мы будем есть его, — вскричал он со сверкающими глазами. — Клянусь моей герцогской короной, либо завтра я угощу вас таким паштетом, какого вы желаете, либо голова этого карлика будет красоваться на воротах дворца. Поди прочь, собака. Я даю тебе двадцать четыре часа срока.

Полный отчаяния, карлик снова ушёл к себе и стал жаловаться гусыне на свою горькую судьбу, так как до сих пор ни разу не слышал о подобной траве.

— Ну, если дело только за этим, — сказала Мими, — то я могу помочь твоему горю, потому что отец научил меня распознавать все травы. Быть может, в другое время тебе не избежать бы смерти, но, к счастью, теперь новолуние, а трава эта цветёт именно в начале месяца. Скажи мне, есть ли тут поблизости старые каштановые деревья?

— О да! — отвечал Нос с облегчением. — У озера, в двухстах шагах от дворца, их много; но к чему тебе непременно каштаны?

— Да потому, что эта трава цветёт только у корней старых каштанов! — сказала Мими. — Однако медлить нечего. Пойдём искать то, что тебе нужно. Возьми меня на руки и, когда выйдем из дворца, спусти меня на землю — я помогу тебе.

Он сделал так, как она сказала, и отправился с ней к воротам дворца, но тут караульный протянул к нему своё ружьё и сказал:

— Мой добрый Нос, дело твоё плохо: ты не смеешь выходить из дворца — мне строжайше запрещено выпускать тебя.

— Но ведь в сад я могу выходить! — возразил карлик. — Сделай милость, пошли одного из твоих товарищей к смотрителю дворца и спроси, могу ли я отправиться в сад, чтобы поискать трав.

Позволение было получено. Сад был окружён высокими стенами, так что убежать из него не было возможности. Когда карлик Нос с гусыней очутились под открытым небом, он осторожно опустил её на землю, и она быстро побежала к озеру, где росли каштаны. Сам он с замирающим сердцем последовал за гусыней: ведь это была его последняя, его единственная надежда! Если Мими не найдёт травы, то он лучше бросится в озеро, чем даст себя обезглавить. Но Мими искала напрасно. Она обошла все каштаны, теребила клювом малейшую травку — всё безуспешно. Из жалости и страха она даже заплакала, потому что ночь надвигалась и становилось всё труднее видеть в темноте.

Вдруг карлик взглянул на другой берег озера и воскликнул:

— Посмотри, вон там растёт ещё одно большое старое дерево. Пойдём поищем: быть может, там-то и расцветёт моё счастье!

Гусыня полетела вперёд, а карлик побежал за ней, как только позволяли его маленькие ножки. Дерево отбрасывало большую тень, и кругом было так темно, что почти ничего уже нельзя было видеть. Но вдруг гусыня остановилась, от радости захлопала крыльями, опустила голову в высокую траву, что-то сорвала и грациозно поднесла это в клюве изумлённому карлику.

— Вот твоя травка! Здесь её ещё много, так что у тебя не будет в ней недостатка.

Карлик задумчиво смотрел на травку: от неё исходил какой-то особенный аромат, который напомнил ему сцену его превращения. Стебелёк и листья растения были зеленовато-голубые, а среди них красовался ослепительно красный цветок с жёлтой каймой.

— Ну наконец-то! — воскликнул он. — Что за счастье! Знаешь, ведь, кажется, это та самая трава, которая превратила меня в жалкого карлика. Не попробовывать ли мне сейчас же принять свой настоящий образ?

— Погоди ещё, — сказала гусыня, — набери горсть этой травы, и вернёмся в комнату. Там ты заберёшь свои деньги и всё, что скопил, а потом уж мы испытаем силу травы.

Так они и сделали. Сердце карлика едва не выскакивало из груди. Забрав пятьдесят или шестьдесят червонцев, которые он успел скопить, и уложив своё платье в небольшой узел, он сказал:

— Наконец-то я избавлюсь от этого бремени!

И, глубоко засунув нос в траву, он стал вдыхать их аромат.

Что-то словно затрепало в его членах; он почувствовал, как они вытягиваются, как голова его поднимается из плеч; он покосился на свой нос и заметил, что тот становится всё меньше и меньше; спина и грудь выравнивались, ноги становились всё длиннее.

Мими с изумлением смотрела на него.

— Ах, какой же ты большой, какой красивый! — воскликнула она. — Слава богу, теперь в тебе не осталось ничего, что напоминало бы о прежнем уродстве.

Обрадованный Яков, несмотря на своё счастье, всё-таки не забывал, как многим он обязан своей спасительнице Мими. Сердце звало его к родителям, но он взял себя в руки и сказал:

— Кому, как не тебе, обязан я своим исцелением? Не будь тебя, я никогда не нашёл бы этой травки и навеки остался бы карликом, а то и погиб бы от руки палача. Но я постараюсь отблагодарить тебя. Я отвезу тебя к твоему отцу — быть может, он, столь опытный в волшебстве, сумеет и тебя избавить от злых чар.

Мими заплакала от радости. Яков благополучно выбрался с нею из дворца, после чего пустился в путь к морскому берегу, родине Мими.

Не стану подробно описывать, как они совершили своё путешествие, как Веттербок снял чары со своей дочери и отпустил Якова с богатыми подарками, как последний вернулся в родной город и как родители его с радостью признали в красивом молодом человеке своего пропавшего сына, как, наконец, он купил себе за деньги, полученные от Веттербока, лавку с товарами и стал жить припеваючи.

Прибавлю лишь, что после его исчезновения из дворца герцога там поднялась страшная суматоха. Когда на другой день герцог, не получив паштета, захотел исполнить свою клятву и приказал отрубить карлику голову, последнего нигде не могли отыскать. Князь же утверждал, что герцог сам дал ему возможность убежать, чтобы не потерять своего лучшего повара, и упрекал его в нарушении слова. Так между обоими государями завязалась продолжительная война, которая известна в истории под названием «Травяной войны». Обе стороны дали несколько сражений, но в конце концов заключили мир, получивший название «Паштетного», так как на празднике в честь примирения повар князя подал к столу паштет-сюзерен, которому герцог и оказал должную честь. Вот так-то иногда маленькие причины ведут к большим последствиям, как оно и видно из истории карлика Носа...

